

Справедливость
притчи

Сергей Бичуцкий

12+

Сергей Бичуцкий
Справедливость

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Бичуцкий С. М.

Справедливость / С. М. Бичуцкий — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Этот сборник притч-антиутопий посвящается всё тем же проблемам человеческой жизни, которые волнуют каждого из нас. Как правильно понимать смыслы тех понятий, на которых мы строим нашу жизнь и взаимоотношения? Я предлагаю мой взгляд на эти вещи, и надеюсь, что он найдёт понимание у читателя, или хотя бы заставит задуматься над тем, что мы привыкли считать непреложной истиной.

© Бичуцкий С. М., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Оформление обложки: фото Daniel Dara, сайт: <https://unsplash.com/t/experimental>

Мильй

Наконец-то распогодилось. Почти неделю бушевала метель, хотя календарная весна наступила больше месяца назад. Забыли, наверное, напомнить зиме, что пора на отдых, разгильдяи. А может и не забыли. Может она, по обычаю, своевольничать стала. Ей-то что до этого календаря? Не она придумала, не ей и исполнять. Ещё раз показала, кто в доме хозяин, да и успокоилась, сменив гнев на милость. Ближе к полудню распогодилось. Выглянуло тёплое солнышко, разогнало хмурые тучи, и забарабанила капель. Снег, с утра ослепительно белый и пушистый, стал сереть, рыхлеть, ноздреватиться, оседать, и после полудня заметно убавился в объёме. Запели ручейки, по-пластунски пробираясь под его толщей. Освобождались из-под плена, прорывались наружу, сливались в более мощные потоки, жонглировали солнечными лучами, шумно-радостно восклицая: «Жить! Жить! Жить!», и неслись, подпрыгивая и дрожа от нетерпения после вынужденной разлуки навстречу покрытой льдом Онеге: «Домой! К маме!». Ошалевшие от долгожданного тепла голуби купались в первых лужах, не обращая внимания на проходивших рядом людей. Не до них! «Весна наступила, а мы немые! Гур-гур-гур! Непорядок!». Всё вокруг трепетало от радостного возбуждения. Всё, кроме вылезшего из-под деревянного пирса унылого исхудавшего пса. Шерсть местами свалывалась, и болезненно слезились глаза. Он медленно поворачивал голову, принюхиваясь к новым запахам, всем своим видом показывая, что он грустит, и до прихода весны ему нет никакого дела. Ну, а что удивительного? Какие могут быть радости у бездомного пса? Хотя, бездомным назвать его можно было весьма условно, поскольку всю свою жизнь он прожил под этим пирсом, который и стал его домом. И родился тут, под ним. Двух братьев и сестрёнку забрали домой работники судоремонтного завода, а он оказался никому не нужен. Даже мамке, которая, покормив его с месяц, ушла однажды и не вернулась. Тут бы ему и конец, но он не умер от голода и холода, и его не загрызли злые бродячие псы. А всё потому, что на горемыку обратили внимание работницы заводской столовой, пожалели и стали подкармливать, а злые бродячие псы на территории завода не водились. Так он и рос, не зная забот и печали, обретая, как говорится, и кров, и стол, там, где появился на свет.

Постояв какое-то время в раздумье, Пират медленно побрёл в сторону столовой, туда, где ему обычно оставляли большую железную миску с едой. Миска была пуста. Вот уже неделю, как столовую закрыли на ремонт, и его жизнь из сытой и беззаботной превратилась в сплошную голодную муку. За три года, что прожил на территории завода, такого не случилось и он растерялся, не зная, что делать. Первые два дня ещё как-то терпел, а потом обрушилась метель, и всё, на что он решался, так это добежать до миски, обнюхать её и, не солоно хлебавши, дрожа от холода, вернуться под пирс. И там, конечно, не Африка, но множество тряпья, которое притащила его подруга Найда давало хоть какое-то тепло, а различные поперечные балки, доски и столбы, поддерживающие пирс, да наметённый сугроб, защищали от ветра.

Подруга появилась летом. Забрела в поисках съестного на территорию завода, встретила с Пиратом, наелась до отвала, да и осталась. От добра добра не ищут. А неделю назад появились на свет четыре маленьких щеночка, аккурат в тот день, когда нагрянула метель. Терпеть голод Найда могла куда лучше Пирата, но молоко кончалось, поэтому третьего дня оставила щенков с папашей, и отправилась на поиски пищи. Поход закончился плачевно. Отойдя с десятков метров от пирса, наступила на какую-то острейшую железяку, сокрытую под снегом, сильно поранила лапу, и вынуждена была вернуться обратно зализывать рану. Так они и просидели голодные до окончания непогоды.

Обследовав свою пустую миску, Пират направился к литейному цеху. Так, без всякой надежды. Потому, что не знал, что делать дальше. Не привык добывать себе пищу. Обойдя всю территорию завода, и, не найдя ничего привлекательного, уныло повернул к логову. Встречные рабочие с удивлением смотрели на исхудавшего, понуро бредущего Пирата, но никому и в

голову не приходило, что он просто голоден. Думали, заболел. Иногда гладили, подбадривали словами, но на том дело и кончалось. Ласка, конечно, вещь приятная, но сахарная косточка, или даже просто косточка, или вообще хоть что-нибудь, куда приятнее. Пёс преданно смотрел в глаза каждому из обративших на него внимания рабочему, но как объяснить им, что ему нужно, не знал. Усиленное махание хвостом не помогало. Так и не дождавшись понимания, побрёл в сторону пирса. Дорога пролегла мимо небольшого продуктового магазинчика для рабочих. Но там искать что-то было бесполезно. Ни разу за три года его там не кормили. Приблизившись к магазину, Пират отпрянул, испугавшись резкого скрипа открывшейся двери. Из дверного проёма показалась рука и выбросила прямо на образовавшуюся прогалину какие-то белые палочки с красными пятнами. Пёс хотел подойти и обследовать то, что было выброшено, но тут же отпрянул, так рука стала появляться опять и опять, и новые палочки последовали за первыми. Наконец, дверь закрылась, и Пират, чуя манящий запах, подошёл к палочкам. Он не верил своим глазам. Прямо перед ним по всей прогалине были разбросаны куриные лапки. Разум собаки помутился от запаха, и Пират схватил ближайшую, мгновенно перекусил, проглотил, схватил очередную, так же в мгновение ока расправился с ней, и стал безудержно набивать пасть этими безумно вкусными лапками, глотать, не пережёвывая, давиться, отрывивать, снова и снова возвращаясь к ним. Остановился только тогда, когда устал, когда не было уже сил ни перекусывать, ни глотать. Мало-помалу прояснилось сознание, и он увидел, что остались только две лапки. Постоял какое-то время, раздумывая, что с ними делать, схватил в пасть и побежал к пирсу. Забравшись в логово, положил лапки перед Найдой, отошёл в сторону, и улёгся. Подруга с удивлением посмотрела на Пирата, съела принесённые лапки, с благодарностью подумала: «Милый! Какой он заботливый!», и принялась вылизывать малышкой.

Собрание

Встретились как-то все мечты человечества обсудить насущные вопросы. Такое великое множество собралось, что не было им ни конца, ни края. И все они были одна краше другой. И каждой дано было право рассказать о себе. И делились они своими ближайшими или будущими планами, наслаждаясь своей собственной красотой и значимостью, а в стороне стояли работа, учёба, и терпение. Они тоже хотели выступить, но им слова не давали. А в это время мимо проходила жизнь. Отчаявшись что-то сказать, и работа, и учёба, и терпение пошли вместе с жизнью, и лишь немногие мечты из этого собрания присоединились к ним.

– Почему остальные не хотят идти с нами? – спросили у жизни те, кто последовал за ней.

– Потому что они пустые! – ответила жизнь.

Крошки

– Федя! – недовольно проворчала Тамара Петровна, обращаясь к супругу. – Ты бы поаккуратней кушал.

– Не понял, – всполошился старик.

– Каждый раз у тебя после еды крошки на полу остаются, – пояснила супруга.

– Не может быть! – возмущённо отреагировал Фёдор Семёнович, вставая после обеда.

Заглянул под стол, убедился в правоте жены, смущённо пожал плечами, и молча вышел. Очень уж его задело это замечание. И совсем не потому, что у неё радикулит. И так понимал, что лишняя трудовая повинность ей попросту тяжело давалась, но беспокоило сейчас не это. Совсем! Об этом, как раз-таки, даже не подумал. «А о чём?» – спросите вы. Ну, как же! Глава семьи, всё-таки! Звание хоть и невеликое, но носил его Фёдор Семёнович с достоинством, и, чего уж тут скрывать, очень им гордился и дорожил. А тут – крошки после еды! Авторитет он и есть авторитет! Пусть крошечный! Пусть и для самого себя! Для самоуважения, так сказать! Без него-то как? Пол века прожили, и никогда от неё такого не слышал. Всегда и во всём детям в пример ставила: «На отца посмотрите!»! Привык, конечно! А тут, на тебе! Крошки! Ровно младенец какой! После стольких лет самоуважения всё насмарку? Ну, уж нет! «Будем бороться!» – решил Фёдор Семёнович. Подленькая мыслишка «А может жена специально их

подбрасывает?» не вызвала в нём никакого отклика. Знал, что не может такого быть. Следовательно, выход один – проследить за самим собой, выяснить причину и исправить несурязицу. Чего проще?

Для претворения задуманного решил кушать один, ибо такие наблюдения в присутствии жены считал неприемлемыми. Обязательно заметит! Глазастая, не приведи Господи! Ничего от неё не скроется! И, хотя понимал, что после полувека совместной трапезы, отдельное питание обязательно вызовет нездоровую реакцию, ничего другого придумать не смог. А что здесь ещё придумаешь? «Челюсти вставные виноваты? – прискакала первая правдоподобная версия. – Вряд ли. Больше пятнадцати лет ими пользуюсь! Раньше-то ничего не было, никаких тебе крошек! А сейчас откуда?», но, на всякий случай, достал запчасть и внимательно обследовал. Даже лупой для полной уверенности воспользовался. А вдруг дырка какая или трещина, а он и не заметит? Но, нет! Челюсти тут не причём! Хотя и старые, но ещё не один год послужат! Раньше-то всё на совесть делали, не то, что сейчас! «А что тогда?» – задумался старик. Вот это и предстояло выяснить.

И начал Фёдор Семёнович придумывать всякие неотложные дела. Как только подходило время трапезы, так тут же и дело вдруг образовывалось. Выскакивало эдаким нежданчиком. Не было, не было, а тут вдруг «Бац!» и появлялось. Всякий раз вылуплялось невесть откуда. Ясен корень, не великое дельце, потому как на большие-то давно уже сил не доставало, но обязательно неотложное. Предлагал жене не ждать его и кушать одной, и, поскольку Тамара Петровна хорошо знала, что пока не закончит, ждать его бесполезно, садилась за стол сама. Сначала даже радовалась, что муж находит себе какие-то занятия, а не то в последнее время совсем что-то стал хандрить и на глазах хиреть, но радовалась недолго. Неотложные дела полились нескончаемым потоком, и не заметить, что появлялись они аккурат перед завтраком, обедом и ужином, было невозможно. Ну, хорошо. Один день, другой – это ещё куда ни шло, но на третий старушка всполошилась. А самое непонятное заключалось в том, что он куда больше обычного проводил времени в кухне. Что там, куда его полвека загнать нельзя было, стало вдруг таким интересным? Встревожиться встревожилась, но спрашивать напрямую не стала. Захотел бы, сам сказал. А так... Всё одно не ответит. Юлить начнёт, выдумывать чего-то. Некрасиво! На старости лет! Нет! Решила выяснить причину сама, тем более труда это не составляло никакого. В прихожей у стены находилось трюмо с большим зеркалом, и с определённого места, именно с того, где находилось кресло Тамары Петровны, в котором она по обычаю дремала после принятия пищи, вся кухня была, как на ладони. Она попросту схитрила. Помыв после обеда посуду, села в кресло и закрыла глаза, сделав вид, что задремала. Услышав шаги мужа, приоткрыла веки и стала наблюдать за происходящим. Ничего необычного не заметила. Всё, как всегда. Фёдор Семёнович достал ложку, тарелку, половник, отрезал кусок хлеба, налил борща, помолился перед трапезой и сел за стол. Всё вроде бы, как обычно, только как-то уж через чур медленно. Торжественно, что ли. Сел за стол и начал кушать. «Вот дурында! Чего себе напридумывала?» – успокоилась Тамара Петровна, и прикрыв глаза тут же погрузилась в полудрёму. Разбудили её какие-то странные звуки. Какое-то шарканье. Будто кто-то размеренно тёр наждачкой по полу. Открыла глаза и увидела странную картину. Муж, сидя на самом краю стула, двигал правой ногой по полу от себя. Как будто отодвигал что-то. А когда возвращал ногу, то приподнимал. Вот и получалось «шарк-шарк». Тамару Петровну осенило – крошки отгребает. Будто не он сорит. Поняла, что хотел он таким по-детски неуклюжим образом отвести от себя все подозрения. Она прекрасно знала, что раньше муж при любых обстоятельствах обязательно пришёл бы на помощь, либо устранил собственный промах без напоминаний. А сейчас... Не было у него ни сил, ни здоровья. Только голову вниз опустит, тут же и начинает его болтать из стороны в сторону. Потому и не мог убирать за собой. Поняла, устыдилась, закрыла глаза и сделала вид, что всё также дремлет. Вскоре шарканье прекратилось. Подождала какое-то время, всё также делая вид, что дремлет, пока снова не услышала шар-

канье, а затем надрывное кряхтенье и стоны. Испуганно открыла глаза и увидела поразительную картину: Фёдор Семёнович грудью упёрся в край стола и, схватившись за ножки, пытался выбраться оттуда, бестолково елозя ногами, но сил не хватало, и он сползал по стулу всё ниже и ниже. Тамара Петровна вскочила, забыв о радикулите и поспешила на помощь. Подбежав, обхватила сзади супруга, вытащила из-под стола, и усадила на стул. Откуда только силы взялись? Усадила, и стала гладить по голове, успокаивая его. Гладила и плакала. И он плакал. Он – от бессилия, а она – от жалости. И не в том дело, что жизнь прошла и кончились силы. Любовь-то осталась. От того и слёзы.

Глас вопиющего в пустыне

– Сколько у нас осталось боеприпасов, Стив? – спросил командир танка.

– Три фугасных, сэр, – ответил заряжающий, вытирая со лба липкий пот.

– Плохо, – вздохнул командир. – Следующая атака может стать для нас последней.

– Есть кое-что похуже, сэр, – вступил в разговор механик-водитель Джон.

– Не пугай меня, Джон! Что может быть хуже отсутствия боеприпасов? – насторожился командир.

– Отсутствие горючего, сэр, – угрюмо ответил Джон. – Левый бак пробит, а в правом осталось не более четверти.

– Что это значит?

– Это значит, что, даже если никто нас атаковать не будет вообще, до базы мы всё равно не доберёмся, а это уж, как пить дать, неизбежная смерть, – выдохнул Джон, и тут же добавил, – или плен.

– Только не это! – вмешался в разговор Стив.

– Почему? – не понял командир. – Мы сделали, что смогли, Стив, и, можем сдаться в плен, если нашим жизням будет угрожать реальная опасность. Так гласит устав, и ты это знаешь не хуже меня!

– Мне абсолютно наплевать на устав и на то, как на это посмотрит наше командование, сэр, но меня сводит с ума одна лишь мысль о том, что в плену придётся отказаться от американо и кленового сиропа. По мне, так лучше смерть, чем такая пытка!

– Ты знал, на что шёл, Стив! – упрекнул командир.

– Я никого не виню кроме себя, сэр! Сам виноват! Сейчас понимаю, что лучше было бы выбрать какую-нибудь заварушку в Европе или даже в Латинской Америке. Уж там-то с американо проблем нет!

Признание Стива вызвало безудержный приступ хохота у Джона. Командир и Стив с удивлением уставились на товарища.

– Что тебя так развеселило, Джо? – угрожающе спросил Стив.

– Твоя наивность, братишка! – отсмеявшись, ответил водитель. – Думаешь без кленового сиропа ты будешь не по вкусу червям, которые будут тобой лакомиться не сегодня-завтра? С таким настроением тебе лучше было бы сидеть дома у телевизора с попкорном и любимым сиропом, и наслаждался жизнью. Чего тебя принесло сюда?

– То же, что и тебя, Джо – отсутствие этого самого дома, да неоплаченные кредиты, – угрюмо ответил заряжающий.

Слова Стива мгновенно отрезвили товарища. Непогасшая до конца улыбка застыла гримасой боли, и Джон смачно выругался.

– Хватит ссориться! Все мы здесь по одной причине, – примирительно сказал командир. – Лучше давайте решать, как будем выбираться отсюда.

– Сколько нам придётся идти до базы, Джон? – после непродолжительного молчания спросил командир.

– Больше семидесяти километров, сэр, – ответил водитель. – Значит где-то около двух суток.

– Если не будет урагана, – добавил Джон.

– Ну, да, – подтвердил командир. – Сейчас посмотрим прогноз погоды, и, если нам повезёт, немедленно отправимся на базу.

Водитель включил поиск погоды и на экране дисплея высветилась какая-то абракадабра. Прогноз менялся через каждые несколько секунд.

– Что за чёрт? – удивился водитель. – Чем они там занимаются в этом гидромете? Неужели нельзя нормально наладить связь?

– Связь здесь не причём! – задумчиво сказал командир.

– А кто причём? – вопросительно посмотрел на командира Джон.

– Погода, – ответил командир. – Вчера не спалось и, пока вы отдыхали, я случайно посмотрел передачу об изменении климата. Если ещё месяц назад ураганы возникали примерно раз в неделю, то сейчас уже никто не может определённо сказать, когда его ждать. Никто! Но и это не всё! Сила их постоянно увеличивается, и сегодня ночью над всей водной поверхностью Земли бушевал такой тайфун, что погибли не менее трети кораблей, находящихся во всех морях и океанах. Вы понимаете? Не где-нибудь там, допустим, в Тихом или Атлантическом, а везде.

– Господи, спаси и сохрани, – испуганно перекрестился Стив, хотя в Бога никогда не верил. – Куда смотрит мировое правительство? Давно надо разогнать к чёртовой матери этот гидромет. На планете такой бедлам творится, а они палец о палец ударить не хотят! Бездельники!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.